

Охота в баре — дело тонкое: для одних это взгляд поверх бокала, для других — прямолинейный подкат без лишних прелюдий, с голым желанием, выставленным напоказ.

Вот почему Хэ И бывала здесь нечасто.

Её улыбка из последних сил удерживала видимость вежливости, пока она говорила толстяку, чьи глаза готовы были физически прилипнуть к ней поверх бокала:

— Извините, я не очень люблю крепкое.

Сказала она это достаточно громко. Единственный человек поблизости — мужчина в роговых очках, притаившийся в углу, — лишь мельком взглянул в её сторону и тут же отвернулся, словно ничего не заметил, и продолжил что-то строчить в блокнот. Её положение его ничуть не касалось.

Это, пожалуй, было самым скверным, что случилось с Хэ И за сегодняшний вечер.

Юй Сингэ только-только снял гитару и повесил её на крюк в гримёрке. Выйдя за кулисы, он сразу увидел происходящее — и немудрено: какой-то тип в разгар выступления умудрился взболтать бутылку минеральной воды и выстрелить ею прямо ему на голову, так что тщательно уложенные волосы гитариста теперь нуждались в срочном мытье. Настроение соответствующее — и Юй Сингэ решил, что не прочь немного выпустить пар.

Попутно у «Дю Цяо» появится ещё одна запись в чёрном списке.

Обычно добродушный парень в три шага покрыл расстояние — Чэн Цзие ещё не успел понять, что тот задумал. В шуме и толкотне, где никто ни на кого не смотрит, Юй Сингэ поймал лапающую руку дебошира, умело вывернул — и из горла того вырвался сдавленный, утробный вопль.

... Кажется, он особо и не старался.

Юй Сингэ, не расстающийся обычно с солнечной улыбкой, убрал руку и почесал затылок — пальцы тут же наткнулись на мокрые пряди. Вспомнив, что с ними сделала та злополучная бутылка, он поморщился и опустил руку.

Хэ И молча опустила каблук. Этот удар по ноге вызвал бы куда более громкий вопль, но — слишком негламурно.

Выкрученный дебошир не посмел пикнуть: рассыпавшись в извинениях — мол, обознался — он

испарился в мигающих огнях, и след его простыл.

Пострадавшая учительница пипы не изменила невозмутимому выражению лица и поблагодарила Юй Сингэ:

— Спасибо тебе.

Она мигнула, подумав, что парень-то, в общем, неплохой. Если не считать того, что он, кажется, гей — что для Хэ И с её традиционными взглядами всё равно было немного неловко.

Гомосексуалистам, кажется, не дают свидетельство о браке.

Мысли её поплыли куда-то в сторону.

Черноволосый вокалист засёк дебошира ещё на подходе и перехватил его — и надо же было такому случиться, что из этого типа одна за другой посыпались явно чужие помада, кошелёк и ключи. Итог закономерный: Чэн Цзие с каменным лицом сдал его охране у входа.

Вернувшись, он увидел, что Юй Сингэ о чём-то болтает с учительницей пипы. Воздух рядом с ним как будто чуть сгустился; он ещё не успел сделать шаг, как сбоку вынырнул мужчина средних лет в роговых очках — подошёл быстро, протянул визитку с улыбкой на лице:

— Здравствуйте, я из ВМ...

Слова потонули в грохоте музыки. Чэн Цзие не был расположен выслушивать чужие предложения — прошёл мимо, даже не взглянув на визитку.

Встретить зазывалу в баре — дело обычное. Вот только одетый вот так — редкость.

Последний взгляд задержался на алом пиджаке мужчины, который тот явно заказывал до того, как набрал лишний вес, — а потом легко переключился на Юй Сингэ.

Мужчина средних лет так и застыл с протянутой рукой. После неловкой паузы убрал её и, сверля взглядом спину Чэн Цзие, мысленно скрипнул зубами: «Проигнорируешь нашу компанию — пожалеешь».

Впрочем, злость злостью, а отпустить такой самородок он всё равно не мог. Голос, внешность — настоящая золотая жила. Сколько прибыли это принесёт компании!

Стоит покопать.

Остальных Лю Гуанфэн давно выбросил из головы — ВМІ при отборе всегда смотрит только на певца. Но то, что этот даже не дослушал его, не на шутку задело самолюбие. Он недовольно притопнул ногой и решил по возвращении доложить начальству.

В тёмном углу его бормотание оставалось достоянием исключительно его самого. А в более освещённой зоне с диванчиками Хэ И разговаривала с Юй Сингэ — и, подняв голову, увидела подходящего Чэн Цзие.

Даже в шуме бара черноволосый вокалист притягивал взгляды.

Хэ И на секунду запнулась — и увидела, как у её собеседника глаза вспыхнули, едва он заметил Чэн Цзие. Этот огонёк, мгновенный и неподдельный. Даже улыбка слепила.

Юй Сингэ шагнул вперёд и обнял Чэн Цзие за плечи.

Тот чуть приподнял уголок рта — и не отстранился.

Хэ И замерла.

Спрашивать тут было не о чем.

Лёгкая влюблённость, смешавшись с более сложными чувствами, растворилась без следа. Она выдохнула.

Да, пара. Догадка подтвердилась.

Больше вопросов не осталось.

Пусть этот путь и нелёгок.

Пусть после их выступления она понимала, что рано или поздно они станут знаменитыми — и тогда всё может пойти не так. Но она готова была верить тому, что видела сейчас в их глазах.

Нет ничего важнее чувства, которое живёт прямо сейчас.

Из-за мокрых волос Юй Сингэ деликатно отодвинулся чуть в сторону, чтобы не накапать на плечо Чэн Цзие.

... И решил, что впредь будет держаться подальше от всех, кто приходит на концерты с бутылками воды, готовыми взорваться в любой момент.

Энтузиазм — энтузиазмом, но страшновато — это правда.

За кулисами всё было предусмотрено: инструменты и барные принадлежности хранились отдельно, в углу пристроилась звуковая аппаратура. Свет здесь не мигал и не слепил — тусклый, желтоватый, как старая газета в сумерках, покрытая пылью.

Юй Сингэ вытирал волосы полотенцем — воды почти не капало, просто влажные пряди. До простуды далеко.

И на том спасибо.

Глубокой ночью за кулисами почти никого не было. Они стояли в углу, на них никто не обращал внимания. Юй Сингэ, казалось, не замечал, как Чэн Цзие медленно придвигается ближе, и продолжал болтать с ним о том о сём, почёсывая полотенцем голову.

Обмен записями встал на рельсы — чего в оригинальном сюжете не было предусмотрено.

Но жизнь редко идёт строго по написанному.

Юй Сингэ на секунду замер с полотенцем в руках: заметил, что в желтоватом свете Чэн Цзие, хоть и стоит совсем рядом, смотрит куда-то мимо него — в пустоту.

Юй Сингэ улыбнулся легко:

— О чём задумался?

Чэн Цзие ответил машинально:

— О тебе.

Юй Сингэ опешил. Чэн Цзие тут же сообразил, что сказал лишнее, и, не делая паузы, поправился:

— О том, что ты говорил в прошлый раз. Что тебе не нравятся милые типажи.

Это уточнение сделало всё только страннее.

Сам он этого не заметил — стоял и смотрел, как рука собеседника замирает в волосах, так и не

опустившись. В конце концов он не стал продолжать.

Юй Сингэ сорвал полотенце с головы, почесал затылок и спросил прямо:

— Слушай, ты вообще что сказать хотел?

Взгляд у него был такой открытый — казалось, что бы Чэн Цзие ни сказал, тот примет.

Чэн Цзие отмахнулся от смутного чувства, шевельнувшегося внутри, и — будто что-то толкнуло его — произнёс:

—... Не смотри так на других.

Особенно — так, как смотришь на него.

Голос лёгкий, почти шутливый:

— Я ведь буду ревновать.

Слова растворились в воздухе — почти без звука. Только потому, что Юй Сингэ слушал внимательно, он их и расслышал.

Воздух застыл.

Чэн Цзие понял, что снова сказал что-то не то — и почувствовал лёгкое удушье.

Но кудрявый уже пришёл в себя — моргнул, и влажные завитки качнулись, очертив в воздухе чёткую дугу:

— Тогда не ревнуй, брат.

— Я всегда буду твоим гитаристом.

Не только гитаристом.

Хочу большего.

Всегда буду твоим — и хочу, чтобы ты всегда был моим.

<http://bllate.org/book/18241/1765503>